

УДК 902

DOI: 10.17223/19988613/69/13

Ф. Луйли

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА НА ЗИМНИХ СТОЙБИЩАХ СТЕПНЫХ СКОТОВОДОВ – ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Статья посвящена изучению современного степного скотоводства Средней Азии. Оно быстро меняется, поэтому его безотлагательно необходимо задокументировать, изучить и проанализировать, прежде чем оно кардинально изменится или исчезнет. Этноархеология – стратегия, которая позволяет нам рассматривать кочевничество с диахронической точки зрения. Наблюдение за использованием зимних стойбищ имеет решающее значение для получения полезных моделей, позволяющих лучше понять прошлое и настоящее степного скотоводства.

Ключевые слова: степное скотоводство; зимние стойбища; этноархеология; краеведение.

Введение

Современное степное скотоводство – результат многовекового процесса, начавшегося еще в доисторические времена. Переход к скотоводческому хозяйству должен был произойти в раннем или среднем бронзовом веке (3000–1500 гг. до н.э.). Нововведения в области конного транспорта (III тыс. до н.э.) и верховой езды (II тыс. до н.э.), безусловно, стимулировали распространение скотоводства [1]. Неизвестно, почему произошла такая смена стратегии выживания. Постепенное изменение климата должно было быть одной из основных причин в дополнение к культурным изменениям, которые уже имели место. С самого начала скотоводство стало «выигрышной стратегией» в степных регионах Центральной Азии, где оно и сегодня является образом жизни многих людей.

Несмотря на то, что степное скотоводство претерпело изменения и модификации на протяжении веков, некоторые его характеристики сохранили значительную степень преемственности с прошлым. Сложность археологии кочевого скотоводства хорошо известна. Многие исследования были сосредоточены на мимолетных и редких следах стоянок и кочевков, оставшихся на земле [2]. Но кочевничество представляет сложную задачу для историков, не имеющих точных данных о повседневной жизни номадов. В связи с этим этнографическое наблюдение за традиционным образом жизни степных пастухов может иметь решающее значение для получения убедительных доказательств, которые помогут ученым в их сложной интерпретационной задаче.

Степное кочевничество – культура, находящаяся под угрозой исчезновения, и ее необходимо срочно изучить, прежде чем она изменится или вымрет. По этой причине Итальянская ассоциация этноархеологии (ИАЭ) при спонсорской поддержке Министерства иностранных дел Италии в 2005 г. начала исследовательский проект «Стойбища монгольских кочевников –

этноархеологическая перспектива»¹, направленный на изучение и документирование основных особенностей степного скотоводства в различных монгольских экосистемах. В рамках проекта изучались кочевки, миграции, животноводство и управление им, корма, водные ресурсы, соль, организация и расположение стойбищ, еда, потребление мяса, производство молочных продуктов, шерсть и кашемир и значение собак в кочевом мире. Проект был реализован в сотрудничестве с Б. Цэрэнханд (2002–2006; Национальный университет Монголии в Улан-Баторе, Академия наук Монголии) и С. Дуламом (после 2007; Национальный университет Монголии). В экспедициях участвовали Ф. Луйли и Дж. Капитини, студенты и выпускники Национального университета Монголии. Экспедиции проводились в различных регионах для регистрации различий и изменчивости.

В 2013 г. ИАЭ начала проект «Сибирские кочевники и их собаки», направленный на изучение взаимоотношений между кочевниками, охотниками и их собаками в различных регионах Сибири. Исследования проводили Ф. Луйли и Г. Сыченко в Туве (2013, 2017), Республике Алтай (2014, 2016) и Кемеровской области (2015) совместно с Новосибирской государственной консерваторией, Институтом филологии СО РАН (Новосибирск), Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызылским колледжем искусств, Институтом алтаистики. В 2018 и 2019 гг. основное внимание уделялось изображению собак в главных российских музеях; в 2020 г. исследования проводили на территории Ратта А.В. Новиков (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск) и А.В. Кениг (Научно-исследовательский проектно-изыскательский этноархеологический центр, Ханты-Мансийск).

Исследования в Монголии и Сибири, которые были в основном полевыми и предполагали наблюдения за повседневной жизнью кочевников, имели целью

документирование нынешнего кочевого образа жизни для сохранения информации до того, как все кардинально изменится, и разработку моделей образа жизни номадов для интерпретации прошлого и будущего.

Изучение организации и расположения зимних стойбищ было ключевой частью наших исследований в Монголии [3–6]. Для наблюдения и документирования действующих зимних стойбищ экспедиции в основном проводились в холодное время года начиная с 2007 г. В статье данные, полученные в Монголии, объединены с данными из Тувы.

В Монголии с 2009 г. исследования в основном были сосредоточены в горах Сомона Могод (Булганский аймак – северная степь) и на прилегающих территориях (Булганский и Архангайский аймаки), а с 2016 г. также в горах Дельгерхангай (аймак Дундговь – центральный и южный засушливый регион Гоби). Сравнение скотоводства в северных степях и центральных засушливых районах важно для выявления закономерностей и различий в этих областях. Наблюдения за организацией степных стойбищ также проводились в Туве в 2013 и 2017 гг. Всегда делались географическая привязка стойбищ, их фотографирование, по некоторым стойбищам составлялась графическая документация. Особое внимание уделялось опросам для документирования точки зрения кочевников и их знаний о местности.

Эксплуатация степей кочевниками, безусловно, представляет сочетание материальных потребностей и культурных аспектов. Поэтому незаменимой стратегией работы является прямое наблюдение за жизнью кочевников и выяснение их соображений по поводу выбора хорошего места для стойбища и его пространственной организации. Невозможно понять зимние стойбища и все степные стойбища в целом без системного изучения существующих стойбищ как действующих моделей образа жизни номадов.

Общий обзор

Монгольские кочевники перемещаются сезонно от 4 до 32 раз в год в зависимости от региона, в котором они живут. В теплые месяцы кочевники могут перемещаться много раз, и стойбища всегда являются временными, без стационарных построек. Напротив, кочевники никогда не перемещаются в холодные месяцы и остаются на стационарных стойбищах, в которых всегда есть постоянные постройки для скота. Кочевники покидают зимнее стойбище весной (как правило, в марте). Стойбища в холодные месяцы используются одной и той же семьей из года в год, из поколения в поколение, сохраняя преемственность. Поэтому этнографические и этноархеологические наблюдения очень важны для археологии кочевничества.

Традиционные зимние стойбища обычно рассчитаны не более чем на 1–2 семьи, насчитывают 1–2 юрты. В Эрзинском районе Тувы у оз. Торе-Холь, недалеко от границы с Монголией, мы наблюдали перемещения кочевников от 4 до 6–7 раз в год. Зимние стойбища, построенные в советское время, были больше традиционных, их использовали 6–7 семей, которые обыч-

но жили в небольших деревянных домиках, а не в юртах.

Расположение

Для выживания кочевников и их домашнего скота важно удачное расположение зимних стойбищ, а также подходящее время для переезда на летние стойбища. Раннее перемещение может иметь разрушительные последствия в случае резкого изменения погоды, как это произошло в мае 2008 г. в аймаке Хэнтий, когда погибло много людей и животных [7. Р. 37–39; 8. Р. 28].

Атрибутами хороших зимних стойбищ, по мнению кочевников, выступают:

- защищенный и ориентированный на юг участок в горах;
- не каменистый грунт;
- хорошее пастбище рядом со стойбищем (расстояние зависит от экосистемы),
- наличие воды или льда; лед и снег в холодные месяцы являются водными ресурсами, но предпочтительно, чтобы зимнее стойбище располагалось поблизости от колодца или источника;
- наличие источника соли при выборе места для стойбища; Монголия богата солью, которую кочевники легко собирают с обнажений, или животные могут лизать ее, даже когда пасутся на траве.
- наличие топлива (в лесистой местности);
- хорошие соседи, друзья или родственники в том же районе;
- может быть важна близость к деревне или хорошая дорога.

Ориентация стойбищ никогда не меняется, важную роль играет солнце, а юг и юго-восток – священные направления для степных кочевников. В том, что касается местоположения, можно наблюдать и другие особенности. Кочевники стараются не ставить стойбища в ветреном месте, поскольку они боятся джута (падажа скота), когда под воздействием ветра образуется ледяная корка, что не позволяет животным добраться до травы. Степные кочевники редко ставят свои стоянки в речных оазисах. Однако в последнее время наблюдается размещение зимних стойбищ среди деревьев в речных долинах, например в долине р. Орхон на территории Улзийта. По словам кочевников, такое размещение обусловлено недостатком снега и льда в горах, потому что вследствие изменения климата зимы намного теплее, чем раньше. Расстояние до стойбища определяется экосистемой и поголовьем скота. На степных пастбищах обычно пасутся козы, овцы, крупный рогатый скот (волы и яки), лошади, а также верблюды. Виды скота и их процентное соотношение в стаде в зависимости от конкретной экосистемы могут существенно различаться. Традиционно козы составляли не более 30% всего поголовья, потому что они могут нанести урон пастбищам. В коммунистическое время контроль за животноводством осуществляли государственные учреждения. В настоящее время кочевники сами решают, каких и сколько животных разводить, у них часто бывает более 60% коз, потому что западные

страны покупают кашемировую шерсть. Это одна из причин опустынивания монгольской степи.

Традиционное размещение стойбищ на территории обычно отражало семейные кланы. В настоящее время сложно зафиксировать 100%-ную традиционную клановую организацию, кланы потеряли свое значение и значительно ослаблены правительством Монголии. Нынешние кочевники предпочитают, чтобы недалеко от их стойбища были родственники или хорошие соседи. Наблюдения показывают, например, в Хишиг-Ундуре, что часть кочевников, у которых много скота и нужны обширные пастбища, выбирают изолированные места. Мы также встречали семьи (в горном баге Могода), которые предпочитали изолированные места, чтобы находиться подальше от своих родственников.

Организация макространства

Кочевники говорят, что юрта и загон – неотъемлемые атрибуты зимних стойбищ. Юрта (по-монгольски *гэр*) обычно находится в одном и том же месте из года в год. Юрту нужно собирать на ровном месте. Если поверхность неровная, ее выравнивают.

Для овец, коз и телят ставят один или два загона, где они остаются на ночь. Загон обычно находится за юртой, на западном или восточном от нее участке. На некоторых стойбищах загоны стояли в южной части. Размеры и форма загона зависят от количества животных и формы участка. Традиционные загоны обычно полукруглые или прямоугольные.

На стойбище также присутствуют: деревянная кладовая, это может быть старая юрта; один или два шеста для привязки лошадей (как правило, перед юртой); площадка для навоза, используемого в качестве топлива; площадка для забоя и разделки животных.

Расстояние от одной функциональной микрзоны до другой кочевники измеряют по количеству шагов (1 шаг – около 70 см). Различные функциональные зоны обычно располагаются на расстоянии не более 40–50 шагов от юрты или друг от друга. Число шагов – важный размерный критерий, который позволяет получить модель функциональных зон стойбища. Размеры стойбища зависят от количества скота, семей и юрт, а также от топографии местности.

Юрта – образцовый пример взаимодействия функциональных и символических критериев. Прагматизм и символизм являются основой функциональности и пространственной организации юрты. Юрта – прочная конструкция, адаптированная к разным временам года и сопротивлению даже очень сильному ветру. Кочевники разделяют внутреннее пространство юрты на восточную (женскую) и западную (мужскую) части. Двенадцать клиньев юрты связаны с двенадцатью животными календаря, каждое из которых имеет свое назначение и символику [9; 10; 11. Р. 35–36].

Если юрт больше одной, они находятся очень близко, обычно не более 10 м друг от друга. Пространство вокруг юрты также используется. Собаки, чтобы согреться, остаются около юрты и у дверей, поскольку их кормят перед входом. Около юрты кочевники держат емкости и инструменты, необходимые в быту.

На западной стороне юрты почти всегда есть солнечная батарея. Пространство перед юртой используется более интенсивно, чем заднее, где наблюдается скопление бытовых отходов (древесный уголь и зола, шерсть и др.). На земле остаются следы лежки собак, которые используют одно и то же место и лежат, свернувшись калачиком [12. Р. 125–139].

Кладовая обычно находится справа или слева от юрты, их связывает тропка. Кочевники используют кладовую для хранения льда, замороженного мяса и продуктов, но также хранят там детали и масло для машин или мотоциклов, различные инструменты, чтобы не оставлять их без присмотра. Положение кладовой может быть различным, но обычно в южной части стойбища, возле юрты. Иногда кладовая находится рядом с деревянным укрытием для скота, и в этом случае стоит за юртой в северной части стойбища.

Загон и укрытие для животных. Загонов обычно один-два, это каменные, деревянные, навозные или глиняные конструкции (глиняные загоны встречались в западных регионах Монголии). У тувинцев на зимних стойбищах, где проживает более 1–2 семей и каждая семья имеет свои функциональные зоны, загонов может быть много. В настоящее время деревянные конструкции встречаются даже в бедных лесом регионах. Традиционно загоны не имели настила, но сейчас часто делают деревянный пол. Загон может быть разделен на зоны – для защиты щенков, больных или раненых животных. Земля, смешанная с навозом, из загона периодически удаляется по мере того, как она становится слишком твердой, и животные не могут сохранять тепло, сворачиваясь клубком на земле. Убранный навоз используют как топливо или для ремонта загона. За загоном кочевники хранят корм, который они собирают летом и осенью или покупают в деревне или городе. Животных доят обычно перед загоном. Доят скот и зимой, хотя молоко получают в ограниченном количестве. Производство молочных продуктов происходит в юрте. В стойбищах никогда не бывает загонов для лошадей, которые могут оставаться много дней вдали от стойбища.

Столбы для привязки лошадей обычно находятся перед юртой, но не в направлении двери. В Туве, и особенно на Алтае, столбы могут иметь гравировку, в Монголии это обычно простые столбы.

Вокруг стойбища – *навозные кучи*. Коровий навоз в основном используется как топливо. Уплотненный овечий и козий навоз из загонов используют в качестве строительного материала. Иногда, как это наблюдалось в Туве в 2013 г., кочевники относят навоз в летнее и осеннее стойбище, если это необходимо.

Площадка для *забоя и разделки* животных обычно находится на краю стойбища, в западной или восточной его части, в зависимости от положения загона, но недалеко от юрты (обычно не более 50 шагов). Здесь же может быть конструкция – обычно деревянная – для сушки кожи и шерсти.

Кочевники не упоминают о месте для мусора, который может иметь важное значение с археологической точки зрения. Площадка для бытового мусора (пепел, кости, бутылки, бидоны и т.д.) обычно нахо-

дится в направлении дверей юрты. Место для сбора отходов может достигать внушительных размеров, в зависимости от длительности использования: до 2 м в высоту и 20 м² по площади. Оно находится к северу от стойбища, и к нему относятся отрицательно.

На стойбище, в продуваемой зоне или на краю, есть два столба с натянутым между ними шнуром для сушки одежды.

На зимних стойбищах, особенно в отдаленных районах, ставят шесты – обычно семь, на которые навешивают одежду, головные уборы, чтобы отпугивать волков.

Заключение

Зимние стойбища всегда ориентированы на юг, их предпочитают располагать на хорошо защищенных участках в горах. Наблюдения показали, что в случае изменения климата используются другие варианты. Таким образом, южные и хорошо защищенные участки в горах – это идеальные места для поиска следов древних стойбищ, а другое местоположение может указывать на изменения климата. Расстояние от одного стойбища до другого зависит от количества скота и пастбищ вокруг, что связано с климатическими усло-

виями. Но иногда культурные или социальные факторы могут подтолкнуть кочевников к выбору изолированного стойбища.

Юрта и стационарный загон – неизменные атрибуты всех зимних стойбищ, в которых встречаются и другие функциональные зоны. Юрту в идеале можно считать краеугольным камнем стойбища. Все функциональные зоны должны быть легко и быстро доступны из юрты. Кочевники используют шаги для обозначения расстояния от юрты до функциональных зон (не более 40–50 шагов). С археологической точки зрения расположение жилой конструкции следует считать на расстоянии не более 28–35 м от загона.

Наблюдение за повседневной жизнью зимнего стойбища имеет решающее значение для понимания степного кочевого скотоводства. Но также важно учитывать точку зрения кочевников. Взаимосвязь этнографического наблюдения и взглядов кочевников, безусловно, позволяет воссоздать жизнь в древних стойбищах и поддержать развитие археологии степного скотоводства. Документирование макро- и микрофункциональных областей и пространственной организации стойбищ помогает построить их интерпретирующие модели, а также понять нынешний кочевой образ жизни и его будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Taylor W.T.T., Spengler R.N., Wilkin S. et al. Early Pastoral Economies and Herding Transition in Eastern Eurasia // *Scientific Reports*. 2020. Vol. 10 (1). P. 4536. DOI: 10.1038/s41598-020-57735-y.
2. Honeychurch W., Makarewicz C.A. The Archaeology of Pastoral Nomadism // *Annual Review of Anthropology*. 2016. Vol. 45. P. 341–359.
3. Lugli F. Nomadic campsites from west-central Mongolia: The case of the spring site of Hulhiin Shilin (Ih-Tamir) // *Proceedings of the 3rd Italian Congress of Ethnoarchaeology*. Mondaino, 17–19 March, 2004 / F. Lugli, A.A. Stoppiello (eds). Oxford, 2008. P. 135–146. (BAR International series; Vol. 1841).
4. Lugli F. The nomadic camps of the middle Gobi region. The case of Shar Udag site and of Buleenher site // *Proceedings of the 4th Italian Congress of Ethnoarchaeology*, Rome 17–19 May, 2006 / F. Lugli, A.A. Stoppiello, S. Biagetti (eds.). Oxford, 2011. P. 194–206. (BAR International series; Vol. 2235).
5. Lugli F. Winter and spring camps in Mongolia // *Ethnoarchaeology: Current Research and Field Methods* / F. Lugli, A.A. Stoppiello, S. Biagetti (eds.). Oxford, 2013. P. 209–216. (BAR International Series; Vol. 2472).
6. Lugli, F. The importance of Ethnoarchaeology for Mongolian nomadism // *MONGOLICA*. Ulaanbaatar : International Institute for the Study of Nomadic Civilization, 2014. Vol. 47. P. 96–102.
7. Lugli F. The use of salt in Mongolia. An example of Mogod region (Bulgan aimag) // *First International Congress on the Anthropology of Salt 20–24 August 2015 “Al. I. Cuza” : Book of Abstracts* / University of Iași, Romania. 2015. P. 37–39.
8. Dulam S. Usage, therapy and Magical Cure of Salt among Mongolian Ethnic Groups // *First International Congress on the Anthropology of Salt 20–24 August 2015 “Al. I. Cuza” : Book of Abstracts* / University of Iași, Romania. 2015. P. 28.
9. Antonini P., Capitini G., Carpanelli M. The Ger, an Optimal Structure for Using Conditions and most extreme Stresses-Constructing Techniques and Structural Analysis // *Ethnoarchaeology: Current Research and Field Methods* / F. Lugli, A.A. Stoppiello, S. Biagetti (eds.). Oxford, 2013. P. 298–301. (BAR International Series; Vol. 2472).
10. Nandinbilg G. Stone Toys and Games among Mongol Children // *The Intangible Elements of Culture in Ethnoarchaeological Research* / S. Biagetti, F. Lugli (eds.). Cambridge : Springer, 2016. P. 211–216.
11. Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. The Idea of Space among the Nomads of Great Steppe // *Social Evolution and History*. 2019. № 18 (2). P. 35–54.
12. Lugli F. Mongolian nomads and their dogs // *The Intangible Elements of Culture in Ethnoarchaeological Research* / S. Biagetti, F. Lugli (eds.). Cambridge : Springer, 2016. P. 125–139.

Francesca Lugli, Italian Association for Ethnoarchaeology (Rome, Italy). E-mail: luglifrance@gmail.com

THE USE OF SPACE IN STEPPE PASTORALIST WINTER CAMPS – AN ETHNOARCHAEOLOGICAL POINT OF VIEW

Keywords: steppe pastoralism; winter camps; ethnoarchaeology; local knowledge.

According to archaeological data, the transition from a semi-sedentary economy to nomadic pastoralism occurred in the early or middle Bronze Age. Presumably, the reason for this decisive change and the rapid spread of nomadic pastoralism as a "winning economic strategy" in the steppe regions of Central Asia was climate change.

When studying nomadism, archeology and history are faced with the problem of lack of sources. In this regard, observations of the daily life of nomads are of particular importance.

Modern steppe nomadism, even taking into account the changes that have taken place, retains traditional features that can be considered a direct heritage of ancient cattle breeding. Modern steppe nomadism, even taking into account the changes that have taken place, retains traditional features that can be considered a direct legacy of ancient cattle breeding.

The author of the article participated in a number of international projects on the study of modern nomadism in Mongolia and Siberia, aimed at preserving information before this way of life changes or disappears.

The research focused on winter encampments, which in the colder months are crucial for the survival of nomads and their livestock. Based on the conducted research, the attributes of winter camps that meet the daily needs of nomads are identified. Winter camps are stationary, located in the mountains in well-protected areas. When placing camps, suitable (not stony) soils, availability of pastures, sources of water, salt, fuel, roads, sometimes proximity to the village, neighborhood of friends, relatives are important.

An integral part of winter encampments is a yurt for housing and cattle pens. The camp also contains a wooden storeroom; one or two poles for tying horses; a spot for manure used as fuel; a site for slaughtering and butchering animals. These objects, the distance between which is no more than 40-50 steps, divide the macrospace of the camp into functional zones. The spatial organization of the yurt and the camp as a whole, combining functional and symbolic criteria, meets the needs and is adapted to the nomadic way of life.

Direct observation of nomadic life, supplemented by surveys in which they express their opinions on everyday issues, is a research strategy that allows to identify patterns of development of steppe cattle breeding, its regional differences, and create a model of the nomad lifestyle necessary for the study of their distant past and understanding of the prospects in the future.

REFERENCES

1. Taylor, W.T.T. Spengler, R.N., Wilkin, S. et al. (2020) Early Pastoral Economies and Herding Transition in Eastern Eurasia. *Scientific Reports*. 10(1). pp. 4536. DOI: 10.1038/s41598-020-57735-y.
2. Honeychurch, W. & Makarewicz, C.A. (2016) The Archaeology of Pastoral Nomadism. *Annual Review of Anthropology*. 45. pp. 341–359. DOI: 10.1146/annurev-anthro-102215-095827
3. Lugli, F. (2008) Nomadic campsites from west-central Mongolia: The case of the spring site of Hulhiin Shiliin (Ih-Tamir). In: Lugli, F. & Stoppiello, A.A. (eds) *Proceedings of the 3rd Italian Congress of Ethnoarchaeology*. Mondaino, 17–19 March, 2004. pp. 135–146.
4. Lugli, F. (2011) The nomadic camps of the middle Gobi region. The case of Shar Udag site and of Buleenher site. In: Lugli, F., Stoppiello, A.A. & Biagetti, S. (eds) *Proceedings of the 4th Italian Congress of Ethnoarchaeology*. Rome 17–19 May, 2006. pp. 194–206.
5. Lugli, F. (2013) Winter and spring camps in Mongolia. In: Lugli, F., Stoppiello, A.A. & Biagetti, S. (eds) *Ethnoarchaeology: Current Research and Field Methods*. pp. 209–216.
6. Lugli, F. (2014) The importance of Ethnoarchaeology for Mongolian nomadism. *MONGOLICA. Ulaanbaatar : International Institute for the Study of Nomadic Civilization*. 47. pp. 96–102.
7. Lugli, F. (2015) The use of salt in Mongolia. An example of Mogod region (Bulgan aimag). *First International Congress on the Anthropology of Salt*. August 20–24, 2015. Romania: University of Iași. pp. 37–39.
8. Dulam, S. (2015) Usage, Therapy and Magical Cure of Salt among Mongolian Ethnic Groups. *First International Congress on the Anthropology of Salt*. August 20–24, 2015. Romania: University of Iași. p. 28.
9. Antonini, P., Capitini, G. & Carpanelli, M. (2013) The Ger, an Optimal Structure for Using Conditions and Most Extreme Stresses—Constructing Techniques and Structural Analysis. In: Lugli, F., Stoppiello, A.A. & Biagetti, S. (eds) *Ethnoarchaeology: Current Research and Field Methods*. Oxford: [s.n.]. pp. 298–301.
10. Nandinbilg, G. (2016) Stone Toys and Games among Mongol Children. In: Biagetti, S. & Lugli, F. (eds) *The Intangible Elements of Culture in Ethnoarchaeological Research*. Cambridge: Springer. pp. 211–216.
11. Sodnompilova, M.M. & Nanzatov, B.Z. (2019) The Idea of Space among the Nomads of Great Steppe. *Social Evolution and History*. 18(2). pp. 35–54. DOI: 10.30884/seh/2019.02.02
12. Lugli, F. (2016) Mongolian nomads and their dogs. In: Biagetti, S. & Lugli, F. (eds) *The Intangible Elements of Culture in Ethnoarchaeological Research*. Cambridge: Springer. pp. 125–139.